

Поселок Биньцзян снова сотрясали скандалы: стоило семье Цзи обзавестись глуповатым сыном, как у них то и дело вспыхивали переполохи.

Если подумать, семейка Цзи сама по себе выглядела образцово. Цзи Лаогэнь — сын рабочего класса, сам кадровый рабочий, в молодости участвовавший в войне против американцев и помощи корейцам. Его сын Цзи Цзяньго тоже трудился рабочим на механическом заводе. Семья потомственных пролетариев, чистокровная красная пятерка первого сорта.

Но угораздило же их выкинуть фортель: взять в жены дочь помещика! Наверное, позарились на смазливую мордашку. Только какая польза от красоты, когда происхождение никуда не годится?

Из-за этого дела Цзи Лаогэня лишили должности бригадира производственной бригады, а Цзи Цзяньго сослали с механического завода на бойню при ферме.

Позже у них родился ребенок, и тот оказался дурачком. Окружающие за спиной только и шептались, что это кара за предательство пролетариата.

Но семейство Цзи и не думало каяться. Стоило кому-то заикнуться о неполноценности их сына, как отец с сыном тут же хватались за коромысла и шли устраивать разборки к обидчику. У Цзи Лаогэня оставалось еще два брата, и те, не вдаваясь в подробности, всегда вступались за родственника. Никакой классовой сознательности!

Впрочем, позже классовую борьбу отменили, объявив ее ошибкой прошлого, и все успокоилось. Каждый зажил своей жизнью, и за несколько лет соседские отношения заметно наладились.

Кто бы мог подумать, что сегодня снова стрясется беда: сорванцы из семьи Чжан столкнули дурачка Цзи в реку, и тот едва не утонул. Семейство Цзи тотчас подняло крик.

Говорили, что дурачок тяжело заболел и находится при смерти, поэтому два брата Цзи Лаогэня вдребезги разнесли дом Чжанов. Если бы не вмешательство местного отделения милиции, члены семьи Чжан отделались бы не просто испугом.

И пока за окном бушевала нешуточная буря, сам деревенский дурачок Цзи Цзянь в этот самый момент открыл глаза.

Цзи Цзянь попал сюда вовсе не сегодня. Он переместился из 2025 года в тело десятилетнего мальчика по имени Цзи Цзянь, родившегося в 1970 году, и жил здесь уже десять лет.

А превратился он в дурачка, судя по всему, из-за несоответствия душ. Он долго не мог совладать с собственным телом, и вот уже целое десятилетие все вокруг звали его не иначе как дураком.

Цзи Цзянь появился на свет в самые смутные времена. К счастью, дед был старым солдатом, и многие фронтовые товарищи всячески помогали им, оберегая семью от серьезных бед. Четыре года назад, после разгрома банды четырех, жизнь стала еще лучше: мама даже сдала вступительные экзамены и поступила в педагогический институт, а в этом году ее распределили учителем в единственную среднюю школу поселка.

Смута закончилась, банда четырех повержена, началась политика реформ и открытости. Больше никто не смел попрекать семью Цзи помещичьим прошлым, все вокруг менялось к лучшему.

Вот только неразумные детишки ничего в этом не смыслили. С малых лет их учили одному: помещики — злодеи, а глупый сын помещика — такой же злодей. Вот они и столкнули этого злодея в реку.

Стоило Цзи Цзяню открыть глаза, как Ли Шулань, неотлучно дежурившая у его постели, тут же заметила это. Она в тревоге несколько раз позвала врача, а затем бросилась к сыну:

— Юань-юань, где-нибудь болит? Скажи маме!

Прекрасно понимая, что ребенок не сможет ответить, она всё равно с отчаянием повторяла вопрос — Ли Шулань совершенно потеряла голову от паники.

Она шла прямо за сыном, когда тот упал в воду. Речка неглубокая, она тут же вытащила его. Но почему-то Цзи Цзянь оставался без сознания. В поселковом медпункте не смогли определить причину и посоветовали ехать в большую городскую больницу. Дорога на автобусе от поселка до города занимала больше часа, а скорой помощи не было, и женщина боялась, что ребенок не выдержит такой дороги. Ли Шулань была близка к нервному срыву.

Цзи Цзяню было невероятно стыдно. За те десять лет, что прошли после его перерождения, он не только не смог сделать ничего полезного для родителей, но и продолжал доставлять им хлопоты. И это несмотря на то, что в прошлой жизни учитель специально тренировал его приемам самообороны и рукопашного боя! Из-за неслушающегося тела уберечься от детских шалостей так и не удалось.

Цзи Цзянь протянул руку и коснулся влажной щеки Ли Шулань:

— Мама...

Ли Шулань всхлипнула:

— Мама здесь, не бойся, ничего не бойся...

В палату вошел врач из медпункта, провел несколько осмотров и с удивлением произнес:

— Похоже, всё уже в порядке.

— Правда?..

Из коридора донеслись торопливые шаги, и в палату ворвались мокрые от пота приемные отец и дед. Цзи Цзяньго с порога подхватил мальчика на руки:

— Шулань, я достал деньги, живо в городскую больницу!

Обойдя всех знакомых, Цзи Цзяньго не только опустошил их скудные сбережения, но и занял немалую сумму на случай, если не хватит на операцию. До семьи Чжан у них просто еще не дошли руки.

Цзи Цзяньго дотронулся до лица Цзи Цзяньго — ладонь тут же стала мокрой, а в глазах отца он разглядел покрасневшие веки. Этот мужчина, которого когда-то сослали с механического завода на бойню и который ни разу не склонил голову перед лицом бесконечных притеснений, сейчас плакал.

— Юань-юань уже в порядке...

Цзи Цзяньго потерял рассудок от страха. Он даже не расслышал, что говорила Ли Шулань, крепко прижал сына к груди и бросился к выходу, пока нежный детский голос не вернул его к реальности:

— Папа!

Цзи Цзяньго замер. Он никогда в жизни не слышал этого голоса — голоса ребенка, прижатого к его груди.

Очнувшись, Цзи Цзяньго обнаружил, что снова может говорить и, кажется, полностью контролировать свое тело. Раньше он умел издавать лишь бессвязное мычание, а когда пытался приласкать родителей, руки не слушались и удар получался слишком резким. Теперь же всё это снова было ему подвластно.

Цзи Цзяньго думал о том, не стоит ли притвориться, будто он выздоравливает постепенно, но, глядя на обезумевших от тревоги родных, он больше не хотел причинять им ни малейшей боли.

Домочадцы были поражены тем, что Цзи Цзяньго заговорил неожиданно для всех, но они столько раз мечтали об этом дне, что тут же с радостью приняли чудо.

— Какая же я глупая, как я сразу не поняла, что ты назвал меня мамой!

Ли Шулань в слезах прижала к себе Цзи Цзяньго, одновременно плача и смеясь.

Хотя в медпункте заверили, что мальчик здоров, семья всё же отвезла его на полное обследование в городскую больницу. И лишь убедившись, что с Цзи Цзяньгом действительно всё в порядке, они наконец вздохнули с облегчением. Всё это время Цзи Цзяньго без устали звал

отца, маму и дедушку, и трое взрослых то плакали, то смеялись от счастья. Голос у мальчика немного охрип, но он считал, что оно того стоило.

Поселок Биньцзян был крошечным местечком, где любые новости разлетались со скоростью молнии. Все уже знали, что дурачка из семьи Цзи мальчишки из семьи Чжан столкнули в воду, и поговаривали, будто он при смерти. Местные жители, движимые то ли праздным любопытством, то ли искренним сочувствием, стремились узнать подробности. Стоило семье Цзи вернуться, как на автобусной остановке их принялись расспросы соседи.

Цзи Цзянь устроился на плече у Цзи Цзяньго и с наивным, простодушным видом разглядывал толпу.

Лицом он походил на Ли Шулань: белая кожа, аккуратные пухлые щечки, большие круглые глаза — он выглядел донельзя жалостливым и невинным.

Увидевшие его люди невольно смягчались сердцем и тут же принимались ругаться:

— Совсем ополоумели, как они воспитывают детей? Ни за что ни прочто едва не угробили человека, с них непременно нужно содрать деньги на лечение!

Как только семья Цзи переступила порог дома, к ним потянулись соседи. Почти каждый принес с собой гостинцы — яйца или фрукты, — а увидев целехонького Цзи Цзяня, все разом успокоились.

— Лаогэнь, сходи-ка в милицию. Твои братья подрались с семьей Чжан, их всех забрали в участок.

Отец с сыном тут же заторопились обратно, а соседи стали расходиться, оставив лишь нескольких близких тетюшек составить компанию Ли Шулань.

Цзи Цзянь не собирался разговаривать при посторонних, и Ли Шулань не настаивала: она просто усадила его рядом и принялась аккуратно, долька за долькой, чистить яблоко.

Остальные по-прежнему считали его ничего не понимающим дурачком и беседовали, не стесняясь его присутствия:

— Шулань, как вы намерены поступить с семьей Чжан? Раз Юань-юань попал в больницу, они обязаны оплатить медицинские расходы!

— Да разве с ними договоришься? Вы же знаете нрав этой Чжан Эрмэй? — возмущенно всплеснула руками тетюшка в рубашке в зеленую клетку. — Знаете, что она заявила? Подумаешь, свалился в воду! Разве в речонке по пояс можно утонуть? По-моему, они просто раздувают из мухи слона, притворяются и воображают невесть что, будто из чистого золота сделаны!

Она в лицах изобразила Чжан Эрмэй, и Цзи Цзянь тут же живо представил себе подлую, наглую физиономию этой женщины.

Он прекрасно знал ее. В прошлые годы она была дочерью образцовых беднейших крестьян и потому всегда смотрела свысока на Ли Шулань из семьи «помещика». После рождения Цзи Цзяня она не раз тыкала в него пальцем и с торжествующим видом приговаривала сыновьям: «Смотрите, это глупый сын помещика!»

В те времена всех воспитывали в таком духе, она была далеко не одна такая, и винить ее во всем не стоило. Но после реабилитации Ли Шулань поступила в институт и стала учительницей, и та затаила еще большую злобу.

На дворе стоял уже 1980 год, а она по-прежнему трепала языком про «глупого сына помещика», что в итоге и толкнуло ее избалованных сыновей на сегодняшний поступок.

Ли Шулань трясло от злости. Сегодня она мирно гуляла с сыном у речки, как вдруг три оборванца из семьи Чжан неожиданно выскочили сзади, толкнули мальчика в воду и с хохотом убежали. Она едва не потеряла сознание от ужаса. Вода была всего по пояс, но разве Юань-юань умел стоять на ногах? Стоило вспомнить крошечные ручки, барахтающиеся в мутной воде, как сердце Ли Шулань начинало отчаянно колотиться.

Ладно еще неразумные дети, но ты же взрослая женщина! Разве нельзя было научить их умному? Извиниться по-человечески?

Мало того, что не извинилась, так еще и несет всякую чушь! Неужели она и правда думала, что Ли Шулань будет молча сносить всё, как прежде?

— Пошли к ним! Я заставлю ее ответить за всё!

Ли Шулань резко поднялась, но тут же бросила испуганный взгляд на сына — не испугает ли его крик? Цзи Цзянь встал и крепко взял ее за руку.

— Мама, я пойду с тобой.

Стоявшие рядом тетушки остолбенели.

Погодите... Разве Цзи Цзянь не дурачок?

Дом семьи Чжан находился совсем недалеко от них — на той же улице, всего через десяток дворов, за ближайшим поворотом. Во времена производственных бригад обе семьи числились в пятой бригаде, но Чжан постоянно норовили задеть соседей по любому поводу.

Цзи Цзянь шагал следом за разъяренной матерью и тетушками к дому семьи Чжан и замер на пороге: вокруг валялись осколки битого стекла. Дверь в дом была наглухо заперта, обе

стеклянные створки окон на первом этаже выбиты, а сквозь пустые проемы виднелись перевернутые столы и стулья.

Из окна выглянул один из мальчишек Чжан, но, заметив людей на улице, тут же испуганно спрятался.

Ли Шулань, изначально настроенная крайне воинственно, при виде погрома растерялась, испугавшись, что их родственники переборщили с дракой и теперь они из пострадавших сами превратятся в виноватых.

Посоветовавшись, женщины решили все же заглянуть в милицейский участок и во всем разобраться.

Они уже собирались уходить, как вдруг увидели подростка лет четырнадцати-пятнадцати в спортивном костюме и с короткой стрижкой, который катил к ним на черном велосипеде марки Феникс.

Ли Шулань поспешно окликнула его:

— Цзи Юн, ты был в милиции? Как там твой отец и остальные? Никто не пострадал?

Цзи Юн приходился внуком тому самому дяде-старiku и был двоюродным братом Цзи Цзяня. Он остановился перед ними и весело отрапортовал:

— Никто не пострадал, они всё еще ругаются в участке. Чжан Эрмэй катается по полу и причитает, что ее покалечили, требует денег на лечение и компенсацию за сломанную мебель. Мой отец требует, чтобы она оплатила лечение Юань-юаня, а она упирается. Так что до конца там еще далеко. Мама велела мне ехать домой обедать.

В Биньцзяне был всего один милицейский участок, и все стражи порядка состояли в родстве или близком знакомстве с местными жителями. В таком сонном месте, где даже воры рисковали умереть с голоду, работа милиции сводилась к поискам сбежавших поросят да улаживанию соседских ссор — занятие не сложнее уличного комитета. Из-за этого Цзи Юн ни капли не переживал из-за того, что старшие угодили в участок.

Но Ли Шулань все равно тревожилась. Наслушавшись про царивший там хаос, она не решилась брать с собой Цзи Цзяня и с легкостью переложила заботу на плечи племянника:

— Цзи Юн, отведи Юань-юаня домой пообедать, посидите дома, никуда не выходите. Пригляди за ним, а я освобожусь и заберу его.

— Ладно, хорошо! — с заметным разочарованием в голосе протянул Цзи Юн, явно жалея, что пропустит такое представление, но спорить не стал и усадил Цзи Цзяня на раму велосипеда. — Юань-юань, держись крепче, поехали!

Цзи Юн пользовался в поселке Биньцзян определенной известностью.

Ему исполнилось пятнадцать, но учился он всего лишь в первом классе. В те годы начинать учебу поздно было в порядке вещей. Проведя детство в уличных играх, Цзи Юн оказался совершенно не готов к школьной дисциплине: учеба ему не давалась, а извилины отказывались работать. С литературой дело обстояло еще сносно — в те времена все хором распевали детские считалочки вроде Восход над Востоком, красная пятиконечная звезда, и выкрикивать слова ему удавалось без труда. А вот с математикой случился полный крах: сложение и вычитание чисел больше десятка ставили мальчика в тупик, потому что пальцев на руках уже не хватало.

Будучи вожаком местной детворы, а в школе прослав тупицей, Цзи Юн расвирепел. Он задрал подбородок, выпалил длинную тираду из цитат великого кормчего и громогласно заявил:

— Мне достаточно уметь цитировать цитаты!

Сам он эти цитаты толком не учил, просто целыми днями слушал взрослых, да и вокруг пестрели красные лозунги — даже самый тупой волей-неволей запомнил бы. Он понятия не имел, что значат эти слова и какая от них польза, но отлично сообразил, что раз взрослые замирают по стойке смирно, значит, вещь мощная, и решил давить авторитетом учителя.

Учитель математики был человеком случайным — настоящих преподавателей разослали по лагерям на перевоспитание, а оставлять школы пустыми было нельзя, поэтому к детям приставили людей верных партии. Речь Цзи Юна произвела на учителя неизгладимое впечатление: ему показалось, что он открыл самородок юного коммуниста.

Такой малыш, а уже наизусть шпарит лозунги, понимает, что залог строительства государства — верность заветам, да это же готовый образец для отряда юных бойцов! Учитель незамедлительно доложил о случившемся в ревком. Оттуда направили человека послушать мальчика лично, и тот остался в восторге: подобный случай стоило предать огласке.

Какой прекрасный ученик, с пеленок преданный идеям партии, всем остальным следовало бы у него поучиться!

И какое-то время имя Цзи Юна красовалось на плакатах дацзыбао по всему Биньцзяну с призывом брать пример с этого патриотично настроенного школьника.

Изначально семья Цзи из-за своего сомнительного происхождения и родственников-помещиков не имела права вступать в ряды юных бойцов. Но ввиду столь пламенной преданности для Цзи Юна сделали исключение, и он превратился в местную знаменитость.

Став юным бойцом, Цзи Юн сохранил твердые убеждения и не стал записывать Ли Шулань во враги народа только из-за ее помещичьих корней. Наоборот, он при любой возможности пользовался своим положением, чтобы защитить женщину, а к младшему кузену относился с

искренней теплотой. Цзи Цзянь всегда видел в нем старшего брата.

Цзи Цзянь доверял Цзи Юну и не боялся, что тот выдаст его планы.

Исход дела с семьей Чжан был предсказуем: обе стороны обяжут возместить ущерб. Но даже проведя в больнице пару часов, он не набрал чеков на сумму больше пяти юаней — ни за лечение, ни за витамины. Зато их семье придется выплачивать компенсацию за ремонт мебели соседям, а это обойдется в копеечку.

Одно дело, если бы семья Чжан раскаялась, но с такими рожами никто не собирался отдавать им свои кровные.

То, что он отделался легким испугом, было чистой удачей, а вовсе не поводом прощать обидчиков.

— Брат Юн, отвези меня на ферму.

Цзи Юн ровно крутил педали, как вдруг сидевший на раме Цзи Цзянь заговорил человеческим голосом. От неожиданности Цзи Юн дернул руль и едва не завалился набок. Он резко затормозил и в изумлении уставился на кузена:

— Юань-юань, ты... ты умеешь говорить?

В страдную пору за младшим присматривал именно Цзи Юн, и о том, что мальчик слабоумный, тот знал лучше кого бы то ни было.

Цзи Цзянь не стал пускаться в долгие объяснения — точно так же, как и с родителями. Стоило ему заговорить, как близкие испытали лишь радость, и отпала нужда оправдываться, почему вдруг прошел недуг.

Цзи Юн отреагировал точно так же. Убедившись, что Цзи Цзянь изъясняется нормально, он мгновенно расплылся в улыбке:

— Вот это новости! Третий дядя с тетушкой со смеху помрут от счастья. Сейчас же отвезу тебя домой, пусть порадуются.

— Не нужно, папа с мамой и так знают. — Цзи Цзянь придержал кузена за рукав. — Сначала отвези меня на ферму.

— А, хочешь показаться дедушкам? — догадался Цзи Юн и снова налег на педали. — Ну поехали, они тоже обрадуются!

Дедушки, о которых говорил Цзи Юн, разумеется, не были их кровными родственниками. Так называли интеллигентов, сосланных на работу в Биныцзянскую ферму.

В свое время Цзи Цзяньго из-за женитьбы на Ли Шулань угодил на бойню при этой ферме. В те годы в животноводческом отделении почти сплошь состояли опальные ученые да профессора — люди изнеженные, которые не то что барана поймать, а даже лопату в руках держать толком не умели. Цзи Цзяньго, сам женатый на дочери помещика, не испытывал классовой ненависти к этой интеллигенции. Видя их жалкое положение, он в свободное время частенько помогал им с тяжелой работой. Узнав об этом, Цзи Лаогэнь попросил нового бригадира — своего фронтового товарища — присмотреть за изможденными книжечками.

Те были бесконечно благодарны семье Цзи, и после рождения Цзи Цзяня относились к нему как к родному, приберегая для мальчика каждый лакомый кусочек. Позже, когда пришло время учиться, но из-за недуга дорога в школу оказалась закрыта, эти люди взялись обучать его сами.

Никто из дедушек никогда не распространялся о том, кем они работали до ссылки, но под их началом Цзи Цзянь усвоил столько всего, что теперь без их помощи было не обойтись.

Биньцзянская ферма располагалась на северной окраине поселка. Миновав длинное шоссе и объехав бескрайние поля, можно было увидеть огороженное колючей проволокой пастбище. Раньше здесь содержался весь поселковый скот, так что место считалось процветающим. Однако и труд здесь был каторжным: от ежедневной уборки навоза спина отваливалась у любого.

Теперь крестьяне держали скотину по домам, и ферма почти запустела — работу продолжала лишь бойня, поставлявшая мясо для всего поселка. Так что сосланные интеллигенты теперь выполняли самую грязную работу по уходу за свиньями.

После реабилитации многие разъехались по домам — в основном молодежь, а старики остались на месте. Как слышал Цзи Цзянь от дедушек, самовольный уход превращал их в лиц без определенной работы, которым пришлось бы заново добиваться государственного распределения. Все они планировали вернуться на прежние места службы и уже подали заявления о переводе. Но поскольку места давно заняли другие, приходилось отсиживаться на ферме.

Разумеется, хотя официально они числились разнорабочими, их положение в корне изменилось. Начальник фермы понятия не имел, какие посты те займут по возвращении в столицу, но понимал, что перед ним люди с номенклатурными должностями, способные раздавить его, как букашку. Теперь он боялся обращаться к ним с поручениями и позволял работать спустя рукава, смирившись с ролью содержателя группы отставных сановников.

Когда Цзи Цзянь добрался до фермы, ученые дедушки сидели по комнатам за чтением. Проведя больше десяти лет в изоляции, они буквально жаждали знаний и не выпускали книг из рук.

К слову, всю эту литературу привозил им не кто иной, как Цзи Юн.

<http://bllate.org/book/22417/2353554>